

# УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ФАНТАСТИЧЕСКОГО

*Вячеслав Шевченко (Самара, Россия)*

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Многие исследователи, работавшие над изучением специфики языка средств массовой информации, отмечали тот факт, что публицистика «базируется преимущественно на нехудожественном письменном типе языка, однако может широко включать структуры художественного, письменного и устного типов речи» [Мороховский, Воробьева и др. 1984: 236]. Такими структурами могут быть вставки из художественной литературы, фильмов, телевизионных программ и т.п.

Начало рассматриваемой научно-популярной публицистической статьи содержит фрагмент художественного произведения, относящегося к жанру научной фантастики, который придает и принимающей и инородной структурам особый, специфический характер, обусловленный в том числе и столкновением жанровых характеристик взаимодействующих текстов. Рассмотрим отрывок статьи:

In his 1950 science-fiction novel *I, Robot*, Isaac Asimov presented the Three Laws of Robotics: «1. A robot may not injure a human being, or, through inaction, allow a human being to come to harm. 2. A robot must obey the orders given it by human beings except where such orders would conflict with the First Law. 3. A robot must protect its own existence as long as such protection does not conflict with the First or Second Law».

The irrational fears people express today about cloning parallel those surrounding robotics half a century ago. So I would like to propose Three Laws of Cloning that also clarify three misunderstandings: 1. A human clone is a human being no less unique in his or her personhood than an identical twin. 2. A human clone has all the rights and privileges that accompany this legal and moral status. 3. A human clone is to be accorded the dignity and respect due any member of our species.

(Scientific American, April 2003, p. 21)

Для анализа данного примера важно замечание Ю. М. Лотмана по поводу сущности механизма всякого инородного включения в текст: «оно не выпадает из общей структуры контекста, а вступает с ним в игровые отношения, одновременно и принадлежа и не принадлежа (курсив мой – В. Ш.) контекстной структуре. Это положение можно распространить и на утверждение об обязательности для риторического уровня инородной структуры. Риторическая организация возникает в поле семантического напряжения между «органической» и «чужой» структурами, причем элементы ее поддаются двойной интерпретации в этой связи. «Чужая» организация, даже будучи механически перенесена в новый структурный контекст, перестает быть равной самой себе и делается знаком или имитацией самой себя» [Лотман 2005: 419].

Одним из показателей непринадлежности фрагмента художественного текста принимающей контекстной структуре является обладание им особой коммуникативной целеустановкой, не совпадающей с целеустановкой принимающего текста. Целеустановка фрагмента научно-фантастического произведения заключается в передаче фантастической картины мира, которая создается с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений, в принципе не противоречащих естественнонаучным воззрениям, существующим в то время, когда создавалось произведение [Литературная энциклопедия 2003: 622].

Следует отметить, что, с другой стороны, произведениям такого жанра может быть приписана и пророческая функция, которая, по мнению У. Эко, заключается в том, что «книга изображает и называет нечто, что потом осуществляется в действительности» [Эко 2005: 409]. К примеру, данное произведение А. Азимова предсказывает, что членом общества может стать искусственно созданное существо, из чего можно сделать вывод, что в случае изменения положения вещей в окружающей действительности определенная часть картины мира научно-фантастического произведения впоследствии может стать частью реального мира.

Об одновременной принадлежности фрагмента научно-фантастического произведения принимающей структуре свидетельствует тот факт, что его коммуникативная целеустановка, сталкиваясь с установкой принимающего публицистического текста, подчиняет-

ся ей, поскольку читателя скорее всего больше заинтересует основная тема принимающего текста статьи, т.е. современная, актуальная проблема клонирования, которая снова привлекает внимание к более давнему и серьезному вопросу о сложных взаимоотношениях между наукой, с одной стороны, и обществом с его этическими, моральными, религиозными и т.п. представлениями – с другой.

Доминирование коммуникативной целеустановки принимающего публицистического текста можно также продемонстрировать, определив функцию включенного текста. Следует отметить, что функция как математическое понятие есть зависимость одних переменных величин от других [Арнольд 1999: 159]. Функция включенного текста есть зависимость информации, передаваемой им, от новой информации принимающего текста. Вполне понятно, что в рамках произведения-источника данный фрагмент обладал иной функцией, поскольку информация, передаваемая им, зависела от контекста произведения.

Следовательно, при вхождении в новый контекст функция включения меняется, поскольку появляется зависимость от новой информации принимающего текста. Эта «новая» зависимость проявляется в следующем: читатель-интерпретатор оценивает релевантность информации, передаваемой фрагментом включенного текста, определяет и анализирует (иногда подсознательно) ее роль в интерпретации содержания принимающего текста; таким образом, в качестве объекта анализа выступают некоторые из аспектов современной действительности, отраженные в принимающем тексте, т.е. современный дискурс.

Фрагмент иного дискурса, т.е. включенный текст в совокупности с его внетекстовыми структурами, в качестве которых в данном случае выступает возможный мир научно-фантастического произведения, способствует особому восприятию и пониманию принимающего дискурса, которое не было бы доступно при отсутствии данного фрагмента. Существование такого рода зависимости свидетельствует о неразрывности, взаимовлиянии и взаимодействии дискурсов при их комбинировании.

Вполне правомерно говорить и об обратной зависимости информации принимающего дискурса от информации включенного, когда, например, читатель анализирует возможный мир научно-

фантастического произведения с точки зрения реального мира; в этом случае объектом интерпретации становится фрагмент включенного дискурса, а принимающий дискурс также способствует особому его пониманию (например, читатель-интерпретатор может оценить с точки зрения современности, как представляли сферу научно-технических достижений полвека назад). Однако, по нашему мнению, интерпретатор обладает намного большим запасом знаний о принимающем дискурсе; он пребывает в современном социокультурном контексте, который для него важнее, поэтому фрагмент включенного дискурса он воспринимает как средство понимания именно современного дискурса, т.е. первична все-таки зависимость информации фрагмента включенного дискурса от информации принимающего.

Фрагмент научно-фантастического произведения, выступающего в качестве авторитетного источника, служит дополнительным подтверждением авторской точки зрения. Посредством включения им имплицитно передается информация о том, что описанный в романе возможный мир технологического будущего (вызывавший опасения у людей, живших в реальном мире образца середины XX века), несмотря на научно-технические достижения человечества, так и не стал реальностью; страх человека перед негативными последствиями прогресса оказался мнимым.

Согласно авторской интенции, читатель также приписывает фрагменту данный смысл на основании знаний о реальном мире, т.е. о современном социокультурном контексте, в котором он пребывает и в который вводится этот фрагмент. Этот смысл появляется только благодаря столкновению мира научно-фантастического произведения с современной действительностью; содержание принимающего публицистического текста подчеркивает и закрепляет этот контраст. Когда создавалось произведение, вряд ли автор имел это в виду, поскольку он не знал, осуществится или нет предсказанное в романе; он создавал возможный мир научно-фантастического произведения, исходя из своих представлений, обусловленных его социокультурным контекстом (историческим, технологическим, социально-психологическим и др.). Как пишет Н. Фэркло, «тексты могут быть открыты различным интерпретациям в зависимости от контекста и интерпретатора; это означает, что социальные значения (включая идеологии) дискурса не могут быть просто объяснены на основе текста, не принимая во вни-

мание модели и варианты распространения, потребления и интерпретации текста в обществе» [Fairclough 1992: 28].

Порождение включенным текстом нового смысла и его последующая экспликация благодаря взаимодействию с принимающим доказывают зависимость содержащейся в нем потенциальной информации от новой информации принимающего текста. Как отмечалось выше, благодаря этой зависимости происходит смена функции включенного текста. По отношению к принимающему он начинает выполнять эйдологическую (идейно-тематическую) функцию, поскольку цитата имплицитно передает основную идею текста статьи в целом.

По мнению И. В. Арнольд, место включения определяет его функцию [Арнольд 1999: 439]. Помещая включение в самое начало, автор сразу же применяет его смысл ко всему содержанию последующего текста. Следует обратить внимание на примерную, схематическую последовательность мыслительных операций по применению смысла к последующему тексту: смысл извлекается из цитаты, подвергается абстрагированию и превращается в основную идею статьи.

Возвращаясь к вопросу о доминировании коммуникативной целеустановки принимающего публицистического текста, следует отметить, что это действительно так, поскольку, демонстрируя при помощи фрагмента научно-фантастического произведения то, что возможный мир будущего, созданный в нем, так и не стал реальностью, автор тем самым уже формирует определенное отношение читателей к сообщаемой в последующем тексте информации, т.е. оказывает особое воздействие на их сознание.

Что касается социокультурных контекстов взаимодействующих текстов, то определить социокультурный контекст включенного текста не совсем легко: с одной стороны, он включает контекст, в котором пребывал автор научно-фантастического произведения, т.е. общество середины XX века, представления о будущем которого отражены в произведении, а с другой – основанный на нем возможный мир, т.е. мир художественного произведения\*, если быть более точным – мир научно-фантастического произведения, модель некой

---

\* Полагаем, что именно при рассмотрении данного примера необходимо использовать понятие возможного мира, т.к. в большинстве других случаев взаимодействующие в рамках публицистики тексты посвящены описанию реальных событий и фактов. Как пишет П. Вердонк, "whereas the non-literary text makes a connection with the context of our everyday social practice, the literary text does not: it is self-enclosed" [Verdonk 2002: 21].

действительности, которая отличается от любой из известных культур [Первухина 2005: 378].

То же самое можно сказать и о контексте принимающего текста: с одной стороны, в него входит современный социокультурный контекст, с другой – основанный на нем (возможный) мир ближайшего будущего, создаваемый автором при помощи текста. Все эти контексты вовлекаются в довольно сложный диалог между собой. Сложность диалога вызвана спецификой взаимодействующих текстов и, следовательно, их дискурсов. Поскольку вступающие в диалог авторы, согласно своим интенциям, уделяют особое внимание именно создаваемым мирам, в данном случае на первый план выходит следующая оппозиция:

*возможный мир vs. мир ближайшего будущего.*

В данном случае процесс интерференции дискурсов непосредственно связан со столкновением миров, создаваемых текстами научно-фантастического произведения и публицистической (научно-популярной) статьи. Обратимся к сходству плана содержания взаимодействующих текстов и связи их содержания с указанными мирами. Сходство заключается в том, что разным индивидам в возможном мире и мире ближайшего будущего приписываются похожие свойства. Например, и роботы и клоны наделяются определенными свойствами, главным из которых является способность быть субъектом человеческого действия. Но одни индивиды – роботы – обладают этими свойствами лишь в возможном мире, другие – клоны – могут появиться и приобрести эти свойства в реальном мире, т.е. в мире нашего опыта в ближайшем будущем.

По мнению У. Эко, «никакой нарративный (воображаемый) мир не может быть полностью независим от мира реального, потому что <...> не может сам создать ex nihilo цельный и заверченный универсум, наполненный его индивидами и свойствами. <...> Тем более понятно и оправданно то, что возможные миры и, в частности, миры нарративные заимствуют индивиды и их свойства у «реального» мира референции» [Эко 2005: 379-380]. В данном случае возможный мир заимствует роботов у реального мира референции, но приписывает им свойства, которые имеют место лишь в данном возможном мире. Создаваемый принимающим текстом мир ближайшего будущего также очень тесно связан с современностью, реальным миром, из

которого читатель получает знания о достижениях в сфере клонирования. Эта зависимость обусловлена тематикой научно-популярного публицистического текста, автор которого обращается к актуальной, значимой для общества научной проблематике.

По нашему мнению, совокупность различных внетекстовых структур образует социокультурный контекст произведения. Вполне очевидно, что некоторые из внетекстовых структур выходят на первый план при создании определенных текстов, которые им и посвящаются. На наш взгляд, самыми важными внетекстовыми структурами в реальных социокультурных контекстах взаимодействующих текстов будут социально-психологические внетекстовые структуры, в состав которых входят представления о будущем, беспокойство, страх, вопросы морально-этического характера. В состав социокультурных контекстов также входят такие внетекстовые структуры, как знания о научном прогрессе и научных достижениях. Таким образом, в данном случае мы также наблюдаем общность внетекстовых структур, что говорит о диалоге между ними, являющимся необходимым условием интерференции дискурсов.

В рассмотренном примере сравниваемые объекты существуют только в мирах, создаваемых посредством взаимодействующих текстов. Таким образом, можно проследить специфику, которую научно-популярный публицистический текст наследует от художественного: оба могут создавать возможные миры, становясь при этом особыми видами дискурса.

#### *Список использованной литературы:*

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. редактор П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2003.
3. Лотман Ю. М. Об искусстве. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2005.
4. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З.В. Стилистика английского языка. – Киев: Вища школа, 1984.

5. Первухина С. В. Коммуникация автора и читателя при создании фантастической картины мира//Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 2. Международный сборник научных трудов. Пятигорский государственный лингвистический университет. Москва – Пятигорск, 2005.

6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2005.

7. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.